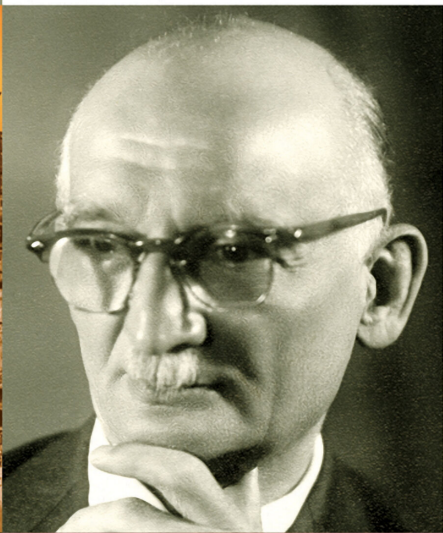

АБЕЛЬ-ФИШЕР

Николай
Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Николай Михайлович Долгополов

Абель-Фишер

Серия «Жизнь замечательных
людей (Молодая гвардия)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67612164

Абель-Фишер:

ISBN 978-5-235-04656-6

Аннотация

Хотя Вильям Генрихович Фишер (1903–1971) и является самым известным советским разведчиком послевоенного времени, это имя знают не очень многие. Ведь он, резидент советской разведки в США в 1948–1957 годах, вошел в историю как Рудольф Иванович Абель. Большая часть биографии легендарного разведчика до сих пор остается под грифом «совершенно секретно». Эта книга открывает читателю максимально возможную информацию о биографии Вильяма Фишера.

Работая над книгой, писатель и журналист Николай Долгополов, лауреат Всероссийской историко-литературной премии Александра Невского и Премии СВР России, общался со многими людьми, знавшими Вильяма Генриховича. В повествование вошли уникальные воспоминания дочерей Вильяма Фишера, его коллег – уже ушедших из жизни героев

России Владимира Барковского, Леонтины и Морриса Коэн, а также других прославленных разведчиков, в том числе и некоторых, чьи имена до сих пор остаются «закрытыми».

Книга посвящается 90-летию Службы внешней разведки России.

Содержание

Читать, наконец-то, подано	6
Что свершил разведчик	12
С такими генами – только на Лубянку	42
Из Лондона – в ОГПУ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Николай Долгополов

Абель-Фишер

© Долгополов Н. М., 2010

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2010, 2011, 2016

Читать, наконец-то, подано

Биография моего любимого героя разведчика-нелегала Фишера – Абеля сложна и запутанна настолько, что некоторые ее эпизоды в силу специфики профессии никогда не поддадутся полной расшифровке. Разные люди толкуют ее совершенно по-разному. Фишер – Абель прожил пять разных жизней плюс шестую – свою собственную.

Все и единодушно, что в нашу эпоху разногласицы просто немыслимо, отдают дань его поразительной стойкости, проявленной в тюремном заключении в США. Ломать людей, выколачивать и выбивать признания американцы умеют. Но тут и близко не получилось. Человек, назвавшийся при аресте полковником Абелем, не выдал им ничего и никого.

Однако кто-то возвеличивает многолетнюю деятельность разведчика-нелегала Фишера до немыслимых высот, а кто-то сводит его до роли хорошего радиста-технаря и исполнительного, дисциплинированного, но не слишком везучего «почтового ящика».

Я полностью на стороне первых и всеми доступными мне средствами, методами и документами постараюсь разубедить последних. Начиная с июня 1993-го собирал по всему свету все, связанное с Фишером – Абелем. Плод собранного – перед вами.

Моя особая благодарность дочерям разведчика – ныне покойной Эвелине Вильямовне Фишер и приемной – Лидии Борисовне Боярской, урожденной Лебедевой. Благодарю руководителей Пресс-бюро Службы внешней разведки разных лет Юрия Кобаладзе, Бориса Лабусова, Сергея Иванова и бывшего пресс-секретаря директора Службы внешней разведки (СВР) Татьяну Самолис.

Моя искренняя признательность нескольким высоким генералам, а также директорам СВР. Это – не дежурные фразы и не традиционные реверансы. Без всех этих людей Абель – Фишер так бы и остался нерасшифрованной легендой отечественной и мировой разведки.

Я встречался с полковником СВР Дмитрием Тарасовым, который вызволял Абеля из американской тюрьмы, а потом трудился вместе с ним в Москве.

Многое, очень многое объяснил мне, непрофессионалу, Герой России, махровый, как он сам себя называл, научно-технический разведчик полковник Владимир Барковский. Наши беседы, не предназначенные для публикации, длились часами. Обычно встречались мы по выходным на троллейбусной остановке у моего дома на Тверской. Барковский бодро добирался туда в свои под 80 пешком с теннисных кортов Петровки. Сидели потом, пили чай, вели беседы, где мне многое втолковывалось и объяснялось.

Немало внимания уделил мне Герой России Александр Феклисов. Пожалуй, именно он – советский резидент в Шта-

тах – впервые четко и абсолютно ясно определил роль супругов Юлиуса и Этель Розенберг. Так кто же эта супружеская пара – единственная в истории США казненная за атомный шпионаж в пользу Советов? Правда ли, что работали на Москву? Были ли нашими атомными шпионами? Ответы на вопросы пытались найти уже несколько десятилетий. И хотя тема не входит в эту мою книгу, твердый ответ Феклисова: нет.

Последний связник нелегала Марка полковник Юрий Соколов, царство ему небесное, обладал завидной даже для разведчика памятью. Вот кого можно было заслушаться. Его воспоминания о Фишере – скорее личные, сугубо доверительные.

Многолетний руководитель Управления «С» – нелегальная разведка – генерал Юрий Дроздов в 1960-е участвовал в вызволении Абеля, играя роль его кузена Юргена Дрикса. Вот уж действительно – впечатления непосредственного участника событий.

Ценю практическую помощь сотрудников Управления, где десятилетиями трудился Абель – Фишер. Это они помогли в определенной степени прорваться сквозь годы и секретность. Представился редчайший случай подробно побеседовать со старшим и вполне тогда действовавшим офицером одного из суперзасекреченных управлений СВР, который считал себя продолжателем дела Абеля. Имени его, по понятным причинам, не привожу, а благодарность про-

шу принять великую! Он не только организовывал некоторые мои встречи, но и присутствовал при беседах, поощряя иногда неразговорчивых собеседников к возможной – в таких обстоятельствах – откровенности.

Иные документы были, казалось, навсегда засекречены, многие хранятся сейчас в далеком далеке. Но в мое распоряжение были предоставлены уникальные материалы об истинном Рудольфе Ивановиче Абеле, имя которого резидент советской разведки взял при аресте в Нью-Йорке.

Мне удалось, незадолго до его кончины, проговорить около четырех часов с Питером Крогером – он же Моррис Коэн. И если опять-таки следовать правилам, принятым при написании этой книги, и называть вещи сугубо именами собственными, то именно он, Моррис, был главным связником между им самим завербованными атомными агентами-американцами и советской нелегальной разведкой. А его жена Лесли, чудом избежав провала, доставила в Нью-Йорк чертежи атомной бомбы, похищенные агентом Персеем из атомной лаборатории Лос-Аламоса. О чем только не вспоминал американец, ведомый резидентом Марком! Тут приоткрылись такие глубины, что поведать о них мне, к сожалению, не удастся. Но и приведенного в этой книге вполне достаточно для того, чтобы переписать некоторые главы в устоявшейся истории мировых спецслужб.

Когда в начале 1993 года я только взялся за повествование о людях, выудивших у США секрет атомной бомбы, ка-

залось, что подлинные имена американских участников этой истории канули в Лету. Кто, к примеру, тот таинственный ученый, передавший Лоне-Лесли Коэн чертежи из суперсекретной лаборатории Лос-Аламоса? Некоторые косвенные признаки заставляли предполагать, что агент, действовавший под кличкой то ли Стар, то ли Млад, дожил до наших дней. Уж очень старательно уходил от всех моих вопросов на эту тему муж Лесли-Лоны – старина Моррис Коэн. Да и в Управлении «С», курировавшем нелегалов, разговаривать со мною об этом агенте сочли нецелесообразным.

И догадки мои подтвердились, ибо время – вещь великая. То, о чем в 1994-м предпочитали молчать, вдруг выплыло наружу в конце столетия. Известно и имя ученого – Теодор Холл, и его судьба.

Но, к сожалению, многим моим собеседникам, судя по всему, еще годы и десятилетия суждено оставаться безмянными. Для меня это огорчительно. Страна, казалось бы, должна знать своих, да и зарубежных, работавших на нее, героев. А вот для разведчиков такая бездонно-крошечная безвестность – стопроцентное подтверждение успеха...

Когда книга была почти готова, огромный сюрприз преподнесла мне Лидия Борисовна Боярская. Благодаря ей в издании помещены фотографии из семейных альбомов, большинство из которых никогда не публиковалось. Она же любезно предоставила десятки писем, написанных Вильямом Фишером и его родственниками. Без этой «семейной стра-

нички» картина жизни разведчика была бы неполной.

Что свершил разведчик

Знаете, как это бывает? Кажется, что все уже написано. Используются все архивы, на сегодня рассекреченные. Сложены в главы многолетние разговоры с людьми, знавшими Фишера – Абеля, с ним работавшими в Москве – в Центре – и там, как говорят разведчики, «в поле». А всплывают все новые и новые подробности. Открываются новые глубины. Порой я влезал в такие дебри разведки, из которых и выхода не было – ведь изначально трудно понять, о чем можно сказать, а чего и нельзя. Нельзя и никогда не будет можно...

Долгие годы Абель нелегально работал в США. Возглавлял сеть разведчиков, которых в Штатах потом заклеямили «русскими атомными шпионами». Возможно, некоторые читатели уверены, будто все в этой сверхсекретной епархии разложено по аккуратненьким полочкам. Нет! Многие деяния и люди, их свершившие, появлялись словно из небытия.

А вот наш герой родился в установленный природой срок – 11 июля 1903 года в английском городе Ньюкастл-апон-Тайн. Политэмигрант Фишер и его супруга, влюбленные в революцию и великого Шекспира, назвали сынишку Вильямом, по-домашнему – Вилли.

Однако мальчику предстояло стать в этой жизни отнюдь не шекспироведом. Точнейшую характеристику его профессиональным качествам дал директор Федерального бюро

расследований США Эдгар Гувер: «Упорная охота за мастером шпионажа полковником Рудольфом Ивановичем Абелем является одним из самых замечательных дел в нашем активе...» А многолетний директор ЦРУ Аллен Даллес добавил еще один лестный штрих, написав в своей книге «Искусство разведки»: «Все, что Абель делал, он совершал по убеждению, а не за деньги. Я бы хотел, чтобы мы имели таких трех-четырёх человек, как Абель, в Москве».

Мы же, грешные, так бы, наверное, никогда и не узнали о существовании Фишера – Абеля, если бы не громкое дело о его аресте в США и обмене в 1962 году на сбитого в российском небе американского летчика-шпиона Пауэrsa.

Постепенно даже до наших граждан начали доходить, точнее, допускаться какие-то сведения о человеке, по содеянному являющемся национальным героем. Он появился на несколько минут в начале фильма «Мертвый сезон» – и страна узнала, что шпионы и разведчики забрасываются в другие края не только подлецами-американцами. В обтекаемых газетных публикациях стали проступать и некоторые черты его биографии.

В 1920 году семья Фишеров, глава которой знал Ленина и Кржижановского, вернулась из Англии в СССР и приняла советское гражданство – впрочем, заметьте, не отказавшись от английского. Отец Фишера в свое время был среди тех, кому Владимир Ильич давал читать рукопись одной из своих брошюр, сделавшихся вскоре коммунистической

классикой. Его сын Вилли рос пареньком молчаливым, упрямым и исключительно смышленным. Любил точные науки, но успевал также учиться музыке: играл не только на пианино, но и на мандолине и гитаре. Рабочая его биография началась уже в 15 лет, когда знакомые англичане помогли Вилли устроиться учеником чертежника на судовой верфь. Через год, в 16, по версиям некоторых исследователей его жизни, поступил в Лондонский университет, но проучиться там довелось недолго из-за возвращения в Россию. Вильям работает переводчиком в Коминтерне, затем поступает во ВХУТЕМАС, потом в Институт востоковедения, где, если верить архивным материалам, берется за изучение Индии. После первого курса – призыв в Красную армию. В 1-м радиотелеграфном полку Московского военного округа Вильям Фишер всерьез изучает радиодело. Радиист из него получился классный. Даже будущие знаменитости – Герой Советского Союза поллярник Эрнст Кренкель и народный артист СССР Михаил Царев, чьи койки в казарме стояли рядом, признавали первенство Вилли.

Не вступая ни с кем в полемику, не провозглашая себя истиной в последней инстанции, все же попробую поведать некоторые подробности из засекреченной жизни. Они не только чисто «разведывательные», но и плана житейского. Именно эти неизвестные детальки помогут лучше понять человека, считающегося одним из выдающихся разведчиков-нелегалов XX века.

Говорят, будто в семье младший сын Вильям был любимцем. Но родители, особенно мама, не чаяли души и в старшем сыне – Гарри. Он, как и младший, прекрасно говорил на нескольких языках. После переезда в Москву семейство старого большевика Генриха Фишера, вместе с семьями других видных революционеров, одно время жила на территории Кремля. Сыновья частенько отправлялись за город на речку. Однажды увидев едва барахтавшуюся в воде, уже захлебывающуюся девчущку, Гарри бросился в воду. Девочку спас, а сам утонул. Когда Вилли с рыданиями рассказывал маме о трагедии, она чуть слышно вымолвила: «Почему не Вилли...» И Вильям услышал. Наверное, это отложило определенный отпечаток на семейные отношения. Нет, он не был любимчиком и пайнкой. Жесткие обстоятельства выковали и соответствующий характер.

У Вильяма Фишера и его жены Елены (Эли) был один ребенок – дочь Эвелина. Однако жизнь сложилась так, что Вильям Генрихович взял на воспитание Лиду – дочку брата своей супруги. На скромную зарплату сравнительно молодого чекиста семья жила очень небогато, чтобы не сказать бедно. Зато дружно. Мало мебели и много книг. Жена Фишера – Елена Лебедева-Фишер стала профессиональным музыкантом. Ее ценила преподаватель – знаменитая арфистка Вера Дулова.

После Красной армии Вильям трудится радиотехником. Но недолго. 2 мая 1927-го он, говоривший по-английски не

хуже, чем на родном русском, приглашается в органы безопасности. Тоже немаловажный факт в биографии: 7 апреля того же года он сочетается первым и единственным в своей жизни браком с выпускницей Московской консерватории аристократкой Еленой Лебедевой.

В центральном аппарате разведки он работал сначала переводчиком, затем – радистом. Отправлялся в длительные заграничные командировки – конечно, нелегальные. И, несмотря на всяческие успехи, был в один день – 31 декабря 1938 года – уволен из НКВД. Ответ на естественный вопрос: «Почему?» нормальный человек не поймет. Потому что вдруг стал иностранцем. Припомнили и место рождения – Ньюкасл, да еще на реке Тайне, и немецкое происхождение отца. Полный маразм: откуда бы он иначе знал языки в изумительном совершенстве, да и чужой уклад, в котором вращался до своих семнадцати лет? Есть, правда, и другая версия внезапного увольнения, о ней – чуть позже.

Его выбросили на улицу, и он, как десятки тысяч коммунистов-честняг, мотался по инстанциям. Семья бедствовала, и офицер, специалист-нелегал подрабатывал как мог. Общество, ради которого он рисковал жизнью, рассталось со своим верным стражем без сожаления. Впрочем, могло быть и хуже: лагерь, тюрьма, пуля...

О нем вспомнили в сентябре 1941 года, когда немцы стояли в нескольких десятках километров от Москвы. Сталин или прощал «неверных», или расстреливал, иного не было

дано. Сына старого коммуниста «простили».

И здесь начинается целая история, докопаться до правдивых истоков которой мне пока еще не удалось: то ли пропали военные архивы, то ли не дошла еще очередь до «открытия» новой главы. Существует версия, будто Фишер действовал в фашистском тылу под видом немецкого офицера. По крайней мере точно известно, что он служил в Управлении генерала Павла Судоплатова и готовил к заброске наших радистов, подрывников, короче – диверсантов. Однако в воспоминаниях другого советского нелегала – Конона Молодого – я наткнулся на фантастический, а может быть и нет, эпизод. Юный тогда Молодой, заброшенный в немецкий тыл, был мгновенно пойман и доставлен на допрос в контрразведку. Допрашивавший его изверг-фашист не слишком долго мучил Молодого, а, оставшись наедине, обозвал будущую звезду советского шпионажа «идиотом» и вытолкал чуть ли не пинками до блеска начищенного, как и требовалось, сапога за порог. С тех пор и до конца дней у Конона побаливал копчик. «Фашист» вновь повстречался Молодому во время назначенной по приказу Центра встречи уже в нелегальной командировке в Америке, где оба мгновенно узнали друг друга. Правда это или вымысел, лихо описанный Молодым, который был горазд на такие мистификации, всех повергающие в сомнения? Но, может, сознательная дезинформация?

А дальше – тишина. И только недавно завесу тайны – вернее, части ее – разрешили приоткрыть. Беру на себя сме-

лость рассказать правду о великом разведчике и много нового, мною открытого, о его соратниках.

Кое-кто из специалистов разведки уверяет меня, что все, даже самые-самые последние, точки в этой моей книге уже расставлены. Но я не верю. Не так давно в сугубо закрытом Кабинете истории внешней разведки наткнулся я на любопытный стенд. Он, по понятным, наверное, причинам, находится неподалеку от экспозиции Абеля и Коэнов-Крогеров. Я впился глазами в старые фотографии с королевскими шляпами и сенсационными для меня подписями. Так неужели были и другие «атомные агенты», абсолютно неизвестные и до сих пор засекреченные? Мой экскурсовод – полковник Владимир Иванович – интерес этот подметил по-профессиональному быстро:

– При нашей с вами жизни рассказать об этом мы уже не успеем...

– А когда?

– Да никогда.

Ну уж... А может, все-таки?.. Только для того, чтобы поведать о еще одной группе гениальных наших разведчиков и их агентах, надо обязательно постараться прожить подольше.

Итак, первой страной, куда был отправлен в качестве разведчика Вилли Фишер, считается Англия – злейший враг молодой советской власти. В начале 1930-х Фишер обращается в посольство этой страны и получает новый британский

паспорт. А почему нет? Уроженец Британии, жалующийся на советскую неустроенность, он и в 1920-м при приезде в СССР от родного гражданства не отказывался. И начинается командировка, в которую работавший под своей фамилией Вилли Фишер взял законную жену Елену – Элю и крошечную дочку Эвелину. Получив английский паспорт, он – радист нелегальной резидентуры – жил уже в Норвегии, в качестве мелкого торговца, занимавшегося продажей радиотехники.

8 ноября 1996 года эта версия была обнародована газетой «Новости разведки и контрразведки». Но сообщался и другой любопытный факт. В статье, посвященной 25-летию со дня кончины Абеля – Фишера, предположительно названа страна его самой первой нелегальной заграничной командировки – Польша. Пребывание там оказалось недолгим. Исключать вероятность этой командировки нельзя – отношения между соседями были не просто плохими, а накаленными.

А уже позже радист-шифровальщик Фишер, оперативный псевдоним Франк, был направлен в нелегальную резидентуру в Лондон. Оттуда разведчик передавал в Центр материалы, получаемые от членов легендарной «Кембриджской пятерки».

«Кембриджская пятерка»

Так она называлась по имени знаменитейшего английского университета, который окончили все пятеро – наиболее результативная в истории советской разведки груп-

па агентов, завербованных в Великобритании. В нее входили Ким Филби, Гай Бёрджесс, Энтони Блант, Дональд Маклин и Джон Кэрнкросс. Все, кроме Кэрнкросса, – выходцы из семей британской аристократии. Негласным руководителем группы считался Ким Филби – агент Иностранного отдела советской разведки. Филби добрался до высоких постов в британской Сикрет интеллидженс сервис (СИС), одно время являясь даже заместителем начальника СИС. Благодаря высочайшему интеллекту, вся пятерка занимала высокие должности в государственных учреждениях Великобритании. «Кембриджская пятерка» работала на СССР исключительно по идейным соображениям, практически без денежных вознаграждений. Сведения, переданные участниками «пятерки» советской разведке, бесценны. В связи с угрозой ареста Бёрджесс и Маклин в мае 1951 года были вынуждены бежать из Англии в СССР. Ким Филби, попавший под подозрение СИС, был тайно переправлен в Москву в 1963-м. Блант, оставшийся в Англии, сумел избежать наказания. Принадлежность Кэрнкросса к «Кембриджской пятерке» была доказана, да и признана, лишь сравнительно недавно. Сейчас ни одного из членов легендарной пятерки не осталось в живых. Последним в 1995 году скончался Джон Кэрнкросс.

По некоторым данным, его выдал англичанам предатель-перебежчик, бывший полковник советской разведки Олег Гордиевский. Тем не менее ни один из членов «Кем-

бриджской пятерки» не был арестован. Несмотря на то, что некоторые из них подвергались допросам в СИС, ни один из пятерых не выдал своих товарищей и работавших с ними советских разведчиков.

Работа в Англии косвенно объясняет, почему та, вторая командировка закончилась неожиданным отъездом в Москву, быстрым присвоением звания лейтенанта госбезопасности и внезапным увольнением из органов. Здесь я высказываю уже свою трактовку событий. Не настаиваю на ее стопроцентной достоверности, но изучение документов все же подсказывает, что она имеет право на существование. С «Кембриджской пятеркой» работал резидент НКВД Александр Михайлович Орлов, принявший на связь от другого нелегала, Арнольда Дейча, нескольких уже известных нам студентов-аристократов из Кембриджа. Вильям Фишер был радистом Орлова. Именно этот нелегал ИНО под псевдонимом Швед создал сеть нелегальной советской разведки, опутавшую всю Западную Европу. В кадрах ОГПУ – НКВД Орлов значился под иным псевдонимом – Никольского Льва Лазаревича. Настоящая его фамилия – Фельдбин, он родился в 1895 году в Бобруйске. Вряд ли был в ИНО разведчик удачливее Шведа. Сначала – работа под прикрытием в Англии, Франции, Германии, затем, уже в 1930-х, – нелегальный резидент в Австрии, Италии, снова во Франции.

В 1937–1938 годах занимал важнейшую должность резидента НКВД и советника республиканского правительства

в Испании. Там Орлов действовал решительно, успешно, жестко, иногда даже отменяя своей властью приказы советского посла.

И вдруг Швед исчез. В июле 1938 года его вызвали на советский корабль в Антверпен. Резидент не явился. Зато нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности (во какой титул выдумал Сталин для палача Ежова!), уже вовсю отстреливавший коллег Шведа по нелегальной разведке, получил письмо с парижским штемпелем. Орлов прятался где-то в Штатах, а его послание, кем-то опущенное для конспирации в ящик советского посольства в Париже, больше походило на ультиматум. Швед требовал не трогать его мать, находившуюся в СССР, и других родственников. В ответ он клялся, что не выдаст ни наших разведчиков, ни их агентов. Орлов-Никольский-Фельдбин добился своего. Подразделение, специализирующееся на отстреле предателей, его не тронуло. Не пострадали и близкие перебежчика.

Но еще более жестокой чистке подверглась разветвленная система ИНО. Чекистов расстреливали дома, выманивали из-за границы в Москву и тоже уничтожали. Побег Орлова развязал руки палачам разведки.

Орлов же мирно скончался в США в 1973-м. Он не выдал ни «кембриджскую пятерку», ни арестованного в Штатах в 1957 году Фишера – Абеля, которого не мог не узнать по опубликованным в прессе фотографиям. Даже советские

спецслужбы простили беглеца в 1970-х.

Невозвращение Орлова называли личной трагедией. Но личная трагедия обернулась смертью и лагерями для десятков и десятков его коллег. К тому же существует подозрение: когда началась холодная война, то припертый американскими спецслужбами к стенке Орлов не выдержал. Быть может, сдал нескольких своих бывших сотрудников. Впрочем, эта версия оспаривается историками разведки: проваливались сами, без Шведа.

Уход Орлова – и вот уже увольнение Абея из органов, грянувшее 31 декабря 1938 года, становится если не оправданным, то объяснимым. Но если не доверяли Фишеру, то кому же тогда оставалось доверять? Как всегда бывает в этой жизни, под подозрением оказываются абсолютно не те...

О том, как пережил Фишер эти два года и девять месяцев разлуки с профессией, – позже. Пока же замечу: навыков он никогда не терял. Уже в первые месяцы войны, мотаясь в пригородном поезде с дачи в Челюскинской на работу и обратно, он ранним утром слышал на подъезде к столице тихий разговор в тамбуре. Два неприметных пассажира решали, где бы лучше выйти. Один предлагал на вокзале в Москве, другой возражал: надо бы пораньше, а то поезд проскочит в другую часть города. И одеты были они по-нашенски, и акцента никакого, но Вильям Генрихович тут же вызвал патруль, и парочку арестовали. Фишер не ошибся. Вот так, между прочим, едучи с дачи на сугубо не чекист-

скую работу, взял и разоблачил двоих, оказавшихся немецкими парашютистами.

Как он распознал в этой паре диверсантов, потом признавшихся, что получили задание готовить взрывы в центре города при подходе немцев к Москве? Бубнили между собой тихо, на безукоризненном русском, но Фишер слышал про поезд, что «проскочит в другую часть города» – именно так организовано движение в Берлине. Акцента у них и быть не могло. Оба русские, в семьях говорили на родном, так что в разведшколе под Берлином на них нарадоваться не могли. Но благодаря Фишеру «отличников» взяли. Всему в разведшколе обучить невозможно, случаются обстоятельства разные. Одно из них и явилось в лице уволенного из органов Фишера.

Но тут у меня другой вопрос. Откуда не бывавший, если верить документам, в Берлине Фишер знал эти берлинские тонкости и почему так быстро среагировал, почуяв фальшь? Или судьба заносила его и в немецкую столицу? В конце этой книги высказывается предположение, что все-таки бывал. Но не до войны, а во время ее: служил там в одном штабе...

После увольнения из разведки 31 декабря 1938 года Вильям Фишер долго, около пяти месяцев, не мог найти работу. Тогда, не зарываясь головой в песок, он пишет письмо другу своих родителей старому большевику Андрееву – секретарю ЦК ВКП(б), очень уважаемому Сталиным человеку.

По тем кровавым временам письмо «наверх» от уволенного чекиста было смелостью невероятной. Могли добавить к опале и тюрьму, да и что пострашнее – тут уж как бы обернулось. Дела не пересмотрели, зато дали устроиться сначала во Всесоюзную торговую палату, потом – старшим инженером на авиационный завод.

В сентябре 1941 года, когда немцы уже были под Москвой, Сталин приказывает срочно, без всякого суда, уничтожить многих еще не расстрелянных чекистов, разбросанных по лагерям. Но некоторых из них – кто-то полагает, что по представлению Лаврентия Берии, а кто-то, что Павла Судоплатова, – не только отпустили, но и вернули в органы.

Среди горстки действительно счастливицов – будущий Герой Советского Союза и партизанский командир Дмитрий Медведев, незадолго до того отправленный в отставку «по состоянию здоровья»; боевик Яков Серебрянский, участвовавший во множестве акций возмездия, в том числе и в неудавшемся покушении на Троцкого. Яшу, как его называли в чекистском мире, доставили на Лубянку прямо из лагеря...

Вильям Фишер, в совершенстве владевший немецким и лучший радист органов, тоже оказался нужен. Снова был принят на работу и друг Фишера, будущий подполковник и создатель школы диверсантов в Серноводске, майор – внимание! – Рудольф Абель.

Но так ли уж хотелось Фишеру обратно, в органы? Свою

работу на заводе он вспоминал как едва ли не самый спокойный период жизни. Наконец-то он трудился под своим именем, обходился без всяких явок, паролей и «наружек»¹. Недавно, читая толстенную стопу писем, написанных Вильямом Генриховичем жене, наткнулся на поразившее меня откровение. Не буду выкидывать слов из песни. Вилли писал, что и думать не желает о бывшей работе, устал от ее бесконечных сложностей и никогда не вернется к прежнему. То ли минутная слабость, то ли обида? Или чистая правда, написанная уже многое познавшим человеком? Но письмо-откровение так и осталось лишь женой полученным посланием. В военные годы еще раз мелькнуло похожее: вот отгрезит, и он займется живописью, не вернется в наркомат. Но еще в 1927 году Фишер взялся за рискованное дело и счел, что бросить его, отказаться вернуться в трудный час – даже после того, как его оскорбили, унизили – будет нечестно перед собственной совестью. И в сентябре 1941 года он уже трудился у Павла Анатольевича Судоплатова – человека талантливого и безжалостного, который руководил в 1942 году не только партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в немецком тылу, но и направлял всю работу агентурной сети на территории рейха и его союзников. Фишер обучал молодых разведчиков, агентов диверсионному делу, быстро натаскивал начинающих радистов.

Среди них и Гейне – Демьянов, ставший одним из главных

¹ «Наружка» – служба наружного наблюдения; в данном случае – слежка.

источников дезинформации немцев и передававший им свои донесения якобы прямо из советского Генштаба. Его Фишер переводил на ту сторону неподалеку от Москвы, да еще по не обозначенному нашими минному полю, что в глазах немцев добавило этому переходу особую достоверность.

Было разрешено «выплыть» еще одному любопытнейшему эпизоду, связанному с моим героем. В середине 1944 года немецкий подполковник Шорхорн попал в плен. Его удалось перевербовать и затеять мощнейшую по размаху операцию по отвлечению крупных сил немецкого вермахта. По легенде, сброшенной немцам ведомством Судоплатова, в белорусских лесах действовало крупное подразделение вермахта, чудом избежавшее плена. Оно якобы нападало на регулярные советские части, сообщало в Берлин о перемещении войск противника. Нападение на наши войска – сплошной вымысел, которому в Германии тем не менее поверили. А вот радиосвязь с Берлином блуждающая в лесах небольшая группа немцев действительно поддерживала. Именно Вильям Фишер, переодетый в форму фашистского офицера, проводил вместе со своими радистами эту игру. В группу входили и попавшие в плен перевербованные немцы. Операция, проводившаяся в Белоруссии, получила название «Березино». Из Берлина сюда вылетали самолеты, немцы сбрасывали в тыл для своей группировки тонны оружия, боеприпасов, продовольствия. Больше двух десятков диверсантов, прибывших в распоряжение Шорхорна, были арестованы,

частично перевербованы и включены в радиоигру. Нетрудно представить, какую же дезинформацию они передавали! Ведь за все за это фюрер произвел Шорхорна в полковники, а Фишер был представлен к высшей награде рейха – Железному кресту. За эту же операцию и за работу во время войны Вильям Генрихович Фишер был награжден орденом Ленина. Он действовал с ювелирной точностью. Малейшая оплошность – и операция была бы провалена. Однако немцев дурачили больше одиннадцать месяцев – уже совершил самоубийство Гитлер, был взят Берлин, а радиоигра все еще продолжалась. Только 4 мая 1945 года Фишер и его люди получили последнюю радиограмму откуда-то из Германии – не из Берлина. Их благодарили за службу, сожалели, что не могут больше оказывать помощь, и, уповая лишь на помощь Божью, предлагали действовать самостоятельно. Отмечу, что есть некоторые, подчеркну – некоторые – основания предполагать, что в годы Великой Отечественной Фишер действовал в определенных эпизодах как Рудольф Абель.

Непосредственно в нелегальную разведку Вильям Генрихович вернулся не в 1948 году, а раньше. В наличии судоплатовского управления нужды больше не было, и майора Фишера перевели в Первое управление Министерства госбезопасности, знакомое ему по первым годам службы. То есть – во внешнюю разведку. Его рапорт «королю нелегалов» Короткову, который привожу с некоторыми сокращениями, да-

тируется 2 апреля 1946 года: «Я, Фишер Вильям Генрихович, сознавая важность для моей Родины – Союза ССР – нелегальной работы и отчетливо представляя все трудности и опасности, добровольно соглашаюсь встать в ряды нелегальных разведчиков. Я обязуюсь строго соблюдать конспирацию, ни при каких обстоятельствах не раскрою доверенных мне тайн и лучше приму смерть, чем предам интересы моей Родины». Комментариев не требуется.

В 1947 году руководитель отдела по работе с нелегалами Александр Михайлович Коротков предлагает хорошо знакомому ему Вильяму Фишеру, заместителю начальника отдела стран Запада, возглавить сеть советской нелегальной разведки в США, официально считавшихся тогда главным противником. Но, если опираться на некоторые свидетельства, сфера деятельности Фишера распространялась и на несколько других государств.

Как бы то ни было, Абель после войны трудился в разведке в Москве до 1948 года. А там – новая командировка. Осенью 1948 года многомиллионный Нью-Йорк пополнился новым жителем – одиноким художником литовского происхождения Эндрю Кайотисом. Вскоре у него появилось и другое, звучавшее на американский манер, имя – Эмиль Роберт Гольдфус. Он открыл свою студию, затем фотолабораторию и ателье для занятий живописью. Впрочем, Гольдфус в некоторые моменты перевоплощался в Мартина Коллинза, а для Центра и сподвижников-американцев из группы «Во-

лонтеры» оставался Арачем, Марком или Милтом. Забавно, что мистер Гольдфус выбрал для жительства дом 252 на Фултон-стрит – поблизости от ФБР.

В Москву, не только из Нью-Йорка, но и с побережья, пошли радиogramмы о передвижениях боевой техники США. Особенно интересовали Центр сведения, касающиеся оперативной обстановки в крупных американских портовых городах, доставки, перевозки военных грузов из районов тихоокеанского побережья к нашим или с ними соседним берегам. И художник Гольдфус этот совсем не искусствоведческий интерес удовлетворял...

В этой книге подробно повествуется о том, как Фишер руководил в США сетью советских атомных агентов. Это было его первой и главнейшей задачей.

Остановлюсь на задаче второй. Гораздо меньше известно, к примеру, о его связях с нашими нелегалами, осевшими в Латинской Америке. Они, в большинстве своем боевые офицеры-фронтовики, были готовы на все – и на ведение незаметных наблюдений за перемещениями американских сил, и в случае возникновения такой необходимости на диверсии. Завербовали преданных людей, и те уже знали, как и по какому сигналу пронести взрывчатку на корабли ВМС США, доставлявшие военные грузы на Дальний Восток. Необходимости, к счастью, не возникло.

Но по какой-то причине нелегалы Гринченко, Филоненко, годами работавшие в Латинской Америке с женами, ино-

гда выбирались в Соединенные Штаты, встречались с Фишером и совсем не в Нью-Йорке. Этим нелегалам поручалось работать с ним параллельно в Латинской Америке. Видимо, были созданы две нелегальные сети, трудившиеся в тесной связке. Это подтверждается и тем, что после ареста полковника в 1957 году все контакты с Филоненко и их агентурой, имевшими выход на США, были заморожены. Связь с Центром осуществлялась уже не через тайники и связных, а только по радио. Анне Филоненко пришлось вспомнить свою первую специальность – радистки, а связь поддерживалась при помощи специального корабля, входившего в состав советской китобойной флотилии «Слава», промышлявшей ловом в Антарктике.

Есть твердое предположение, что полковник успел поработать с еще одним полковником-нелегалом советской внешней разведки – Африкой де Лас Эрас, известной также под псевдонимами Родина и Патрия (посмотрите, как переводится это имя). По национальности Патрия – испанка, по убеждениям – коммунистка, по профессии – разведчица высочайшего класса. Она тоже прочно осела в Латинской Америке, где установила связи с руководителями некоторых стран – территориально небольших, но стратегически для нас важных. И тут не обошлось без связи с резидентом в Нью-Йорке Марком.

Была – это по моим догадкам, не более, – и третья по счету агентурная сеть, которую контролировал или с кото-

рой сотрудничал Фишер. И в Америке ему пригодилось знание немецкого. На восточном побережье США он был связан с немцами-эмигрантами, которые боролись с Гитлером еще до Второй мировой и во время нее. Это они совершали диверсии в различных захваченных фашистами странах. Тут всплывает имя боевика Курта Визеля, в годы войны помогавшего известному диверсанту Эрнсту Вольвеберу. В Штатах он сделал отличную карьеру, став инженером судостроительной компании в Норфолке. В конце 1949-го – в 1950-х доступ к самой секретной информации у этого сподвижника Фишера, организовавшего к тому же еще и боевую диверсионную группу, имелся.

Марк сумел быстро реорганизовать всю нелегальную сеть, оставшуюся в США после Второй мировой. Та война закончилась, началась война холодная, на десятилетия переросшая в мировое противостояние двух систем. И Фишер справился с поставленными перед ним задачами. Он должен был добывать сведения о возможности возникновения военного конфликта между СССР и «главным противником» – США. Нельзя было, как раньше, вести основную разведывательную работу по линии легальной резидентуры. Потому и возникла необходимость в быстром становлении, возрождении разведки нелегальной. Марк также добывал для Центра любую закрытую информацию.

Но главным, повторю, стала для Марка и его людей атомная разведка!

Наиболее удачными, по мнению самого нелегала, были первые годы его пребывания в Штатах. И тут дело не только в ордене Красной Звезды, к которому его представили уже в 1949-м. Награда была получена за быструю успешную легализацию. Удачно работали по атомной проблематике его подопечные, руководители группы «Волонтеры», Моррис и Лона Коэн. Это при их содействии Марк передал в Центр немало технической документации по атомной бомбе

Не собираюсь никого обижать, но все же у верных друзей, Морриса и Лоны, не хватало некоего чувства настороженности, бдительности. Смелость Лоны порой творила чудеса, но могла и превратиться в серьезную помеху при работе. И тогда Марку пришлось убедить Коэнов отдать на связь ему лично ценнейшего американского источника «Млада» (он же «Стар»). Юный гений и не догадывался о законах конспирации. Таланту, успешно трудившемуся в секретнейшей атомной лаборатории Лос-Аламоса, было не до того. Его контакты с Питером, а затем с Лоной не обеспечивались надежным прикрытием. Могли привести если не к провалу, то к серьезным неприятностям. Быть может, на короткий период времени отношения с Коэнами подверглись определенным испытаниям. Глухое, запрятанное недовольство слышалось мне в рассказе самого Морриса об этом периоде, когда он решительно не согласился выделять Марка из всех своих «кураторов», назвав его одним из многих.

Но решение оказалось верным. Подразочаровавшийся в идеях коммунизма «Млад» (он же ученый Теодор Холл) собирался совсем отойти от контактов с советской разведкой. И великий уговорщик Марк упросил его в 1949-м не рвать, хоть на время остаться.

В 1950-м пришлось-таки спасать Морриса и Лону. Уж чересчур открыто проповедовали они свои коммунистические взгляды. Маккартизм, аресты левых, а Коэн не скрывал: да, я боролся с Франко в составе интернациональных бригад. В июле последовал арест товарищей «Волонтеров» по коммунистической ячейке Юлиуса и Этель Розенберг. Заведомо ложное обвинение в атомном шпионаже закончилось электрическим стулом. А Коэнов – о чем поподробнее в следующих главах – вывезли из США. Вот кто был причастен к добыче атомных секретов...

Быть может, не предвидя того, Фишер спас тогда и себя. Через несколько лет при аресте Коэнов в Англии, работавших там под фамилией Крогеров, всплыло расплывчатое свидетельство о их знакомстве с неким американцем. Но Фишера – полковника Абея – в том человеке их соседка не опознала. А могла бы...

Ведь в 1948-м советская разведка понесла в США тяжелейшие потери. Еще до приезда Фишера в Штаты предала своих одна из ведущих фигур в нелегальной разведке Элизабет Бентли. За арестами советских агентов последовали закрытия наших консульств и официальных представительств

в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско. Разрушенную, а частично и замороженную сеть надо было кому-то восстанавливать. В этом тоже заключалась задача резидента Марка, которая еще больше осложнилась в 1950-м, когда в сентябре был принят Закон Маккарена – Вуда о внутренней безопасности. Срок заключения в мирное время за шпионаж против США был увеличен до десяти лет. Шла «охота на ведьм». Более десяти миллионов американцев – и левых, и просто хоть как-то симпатизировавших Советскому Союзу, были подвергнуты проверке на лояльность. Малейшее подозрение – и репрессии, вплоть до тюремного заключения.

Вот в таких условиях предстояло возрождать разведку резиденту Марку. Задача – не на пять лет, и даже не на пятнадцать. Многие успев, Вильям Фишер эту задачу в основном выполнил. Видите, какой огромный объем работы пришлось проделать. И насколько разнообразный. На фоне всего этого обвинения Абея в том, что был он лишь «почтовым ящиком», передаточным звеном, звучат смехотворно. Да, полковник не успел совершить еще больше, хотя создал все условия для успешной работы своей собственной и агентуры. Но... Помешали предатель Рейно Хейханен, арест...

Немало неприятного, даже обидного для разведчика пишется вокруг неудавшегося отзыва в 1957 году этого связника-предателя. Этнический карел, лейтенант, а вскоре и майор Хейханен нелегально обосновался в США в октябре 1952 года. Когда дело не пошло и Вик – это его оператив-

ный псевдоним — явно запил, майору, сообщив о присвоении очередного звания и награждении орденом, приказали прибыть в Париж, а уж оттуда — в СССР на новую работу. В принципе это общепринятая во всех разведках практика. Сотрудника не настораживают, не нервнируют, а даже поощряют, чтобы избежать подозрений и добиться его возвращения домой. В Париже в разговоре с сотрудником нашей разведки Вик пообещал вернуться в Москву, о чем Фишеру, находившемуся тогда где-то на побережье, тотчас сообщили радиogramмой. Успокоенный, он решил ехать в Нью-Йорк. На этот раз против него было все — даже погода. Из Центра ему радиовали о предательстве Вика, а он из-за помех, сначала на побережье, потом в Нью-Йорке, никак не мог принять настойчиво посылавшиеся сообщения. Связь с Москвой была отвратительной. Так он и заснул, замученный, в отеле «Латам», не расшифровав радиogramму, где его в очередной раз предупреждали: беги, беги!

Еще одна неприятная легенда. Фишер виноват в том, что при нем найдено немало улик, доказывающих принадлежность к советской разведке. А вот тут давайте по порядку. При аресте он проявил невиданное, прямо-таки фантастическое самообладание и хладнокровие. Люди из ФБР в глаза называли его полковником, и он понял, что предал Вик: только радист знал, какое офицерское звание у Марка. Фишер ухитрился уничтожить блокнот с кодами и так и не расшифрованную радиogramму. Попросил у фэбээровцев ка-

рандаш, чтобы написать заявление, сделал вид, будто сломал грифель, подменил бумагу и сумел скомкать, а затем спустить в туалет не отправленное в Центр донесение.

Здесь я беру минуту на размышление. Все это пишется в наших источниках, подтверждается самим Вильямом Генриховичем. Если так, то надо признать, что работали трое арестовывавших его американцев крайне непрофессионально. Действия соответствующих групп при арестах обычно отработаны, скоординированы. Перехватывается все, вплоть до взглядов, которыми обмениваются между собой арестовываемый и домочадцы. В зарубежных источниках рассказы об уничтоженных Абелем уликах называют домыслами. Все же версия о том, что ранним июньским утром трое агентов были чересчур уверены в себе, опьянены успехом, обнаружив русского полковника голым в гостиничном номере, и потому действовали небрежно, имеет определенные основания. Есть отголосок этого и в книге «Тайная война» Санжа де Гамона, признававшего, что первые двадцать минут обыск в номере гостиницы «Латам» проводился крайне поверхностно.

Но как же тогда с найденными письмами от жены и дочерей, которые в качестве улики демонстрировал и даже зачитывал в суде обвинитель? Да, он очень любил свою Элю и дочерей Эвелину и Лиду – Лидушку. Хранил – разумеется, очень тщательно спрятав, но в нарушение всех правил, – несколько писем, и когда их зачитали в суде, то пол-

ковник вызвал еще больше симпатий, чем свидетельствовавший против него явный алкоголик Хейханен. Можно ли поставить это чувство любви в упрек Фишеру? Он столько лет прожил в Америке один. Как упрекать его за любовь к трем единственно близким людям?

Уж если мы вспомнили о родных разведчика, то вот еще сценка из жизни нелегала, связанная с семьей. Когда жена и Эвелина встречали его во Внуковском аэропорту во время одного из редких приездов в неизвестно как легендированный отпуск, Фишер сразу закурил. Взялась за сигарету и супруга. Уже вполне взрослая Эвелина сказала, что не прочь закурить и она. Фишер строго поглядел на жену: «Ну что, выучила и ее».

Девять лет работы, каждый из которых засчитывается нелегалу за два, несколько орденов, повышение в звании и арест агентами ФБР. Чтобы дать знать Центру об аресте, Марк назвал себя именем умершего (и, что понятно, известного КГБ) друга – Абель. Процесс «Соединенные Штаты против Рудольфа Ивановича Абеля» закончился суровым приговором – 30 лет. Впрочем, за совершенное полковнику грозила смертная казнь или пожизненное заключение, что и случилось бы, если бы не благородные старания его адвоката Джеймса Донована. А так – четыре с половиной года в тюремной камере города Атланты и счастливое избавление: при помощи нашей внешней разведки и при содействии того же Донована, искусно исполнившего роль посредника, Абе-

ля обменяли на Пауэрса и еще двух шпионов. Обмен на Пауэрса произвели на берлинском мосту Глинике 10 февраля 1962 года.

А нам стоит вернуться в Штаты. Суд, Хейханен свидетельствует против советского полковника. Фишер внешне абсолютно спокоен. Его адвокат Донован с восхищением следит за подзащитным, ни малейшим жестом, ни вздохом не высказывающим никакой тревоги. А речь-то идет о приговоре: это смерть, пожизненное заключение или 30 лет тюрьмы. При всех стараниях Донована подзащитному отвешивают 30 лет. По сути, в 54 года – то же пожизненное: в тюрьме до восьмидесяти четырех недотянуть никак. Суровый приговор полковник встречает с внешним безразличием и лишь с достоинством благодарит Донована.

К своему адвокату Фишер проникся симпатией искренней. И когда какими-то судьбами во второй половине шестидесятых нью-йоркский адвокат выбрался-таки в СССР, он очень хотел с ним встретиться. Но запретили под каким-то предлогом, а Доновану наговорили несуразицу. Хорошо хоть, что разрешили подарить еще в 1962 году – через других сотрудников разведки – старинную книгу по римскому праву. Донован был завзятым коллекционером, и принесенные по почте на свой нью-йоркский адрес дары вместе с трогательным письмом от Абея принял с огромной благодарностью. Тут надо сказать, что посылочка пришла из Восточного Берлина, а отправлял ее доверенный человек всех

разведок социалистических стран адвокат Фогель. Так вот, по свидетельству Юрия Ивановича Дроздова, Фогель, тоже знавший толк в старинных книгах, был не прочь присвоить дар себе. Проявили бдительность, не дали, и посылка нашла адресата.

Рассказывала Эвелина Вильямовна и о другом визите в Москву. Приезжал в СССР немец – зубной техник, с которым полковник Абель сидел в тюрьме в Атланте. Они сдружились, и немец даже ухитрился помочь русскому, смастерив в тюремной мастерской из подручных средств нечто, закрепляющее сломавшийся зубной протез. Но и здесь встреча не состоялась. Тоже запретили. Ну до чего суровое было время!

Подведем первые итоги. Фишер прожил жизнь под пятью личинами. У него шесть биографий, включая одну собственную. Вильям Генрихович успел потрудиться со многими героями нашей разведки: Кимом Филби, Моррисом и Лоной Коэн, Гордоном Лонсдейлом – Молодым, Африкой де Лас Эрас... Кстати, доходили до меня сведения, что со всеми прекрасно ладил, а вот, судя по английским источникам, с Кимом Филби не слишком сработался. Не нравились они друг другу. Серьезный Вилли Фишер и расслабленный аристократ Ким Филби были антиподами.

Да, человек-легенда Вильям Генрихович Фишер работал со множеством выдающихся разведчиков, чьи имена здесь перечислены. Надеюсь, я убедил оппонентов, что Вильям

Фишер, известный под именем Рудольфа Ивановича Абеля, действительно нелегал высочайшего класса. А для предпочитающих сугубо официальные доказательства приведу список наград Вильяма Генриховича Фишера: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени и Красной Звезды, множество медалей. Учитывая, что в те годы разведчиков почестями не слишком баловали, орденская планка выглядит солидно, внушительно. И заслуженно.

С такими генами – только на Лубянку

Уж с чем не поспоришь, так это с тем, что Вильям Август Фишер, именно так записано в сертификате о рождении, появился на свет 11 июля 1903 года в субрайоне Вестгейта английского города Ньюкастл-апон-Тайн. Повторюсь: эмигранты-большевики Генрих Матвеевич Фишер и жена его, Любовь Васильевна, урожденная Корнеева, назвали сына в честь боготворимого обоими Шекспира. И хотя Вильям Генрихович прославился совсем не на литературном поприще, я постараюсь рассказать о нем если не как о писателе, то уж точно – как о способном литераторе.

В последние годы почему-то разгораются споры о национальности Фишера. Раньше об этом как-то молчали, а теперь именуют его то чистым англичанином, то немцем, не всегда добавляя «обрусевшим». Сейчас вот записали в евреи, тыча в фото молодоженов Вилли Фишера и Елены Степановны Лебедевой и талдыча: «Похож, похож, точно пятый пункт, да и фамилия не только немецкая».

Спешу разочаровать – а может, обрадовать заблуждающихся. Человек с фамилией Фишер был кристально чист, когда называл себя «обрусевшим немцем».

Родословная установлена исключительно и на удивление

точно исследователями из Рыбинска и досконально проверена профессором Дэвидом Саундерсом, преподающим на исторической родине Фишера в Ньюкастле. Я бы сказал, что об отце полковника, родившемся в XIX веке, известно в определенной степени гораздо больше, чем о нем самом.

Но исследование биографии папы, Генриха Фишера, вгрызание в глубины его сложнейшей биографии заставило вспомнить пословицу «Яблоко от яблони...». Отец знаменитого разведчика часть жизни занимался приблизительно тем же, что и сын. Масштабы и отдача, конечно, меньшие, но все-таки не зря Генрих Фишер считался опытным подпольщиком. Существует же такое понятие, как «гены музыканта», «гены ученого». Здесь перед нами типичный случай наследования «гена разведчика».

Но обо всем этом чуть ниже, а пока перейдем к роду Фишеров. Дедушка – Генрих Август Фишер был настоящим немцем, выходцем из Северо-Восточной Тюрингии. Бабушка, урожденная Эмилия Винклер, – из Берлина. Писалось, будто управляющий имением князя Куракина в Ярославской губернии выписал их и еще несколько толковых людей из Германии, чтобы навести в имении порядок. Однако, похоже, идея укрепить большое хозяйство принадлежала еще князю Михаилу Андреевичу Волконскому, владевшему поместьем Андреевское с 1835 по 1863 год. А уж потом, в 1864-м, после свадьбы его дочери Екатерины и Анатолия Куракина, имение отошло к князю Анатолию Александро-

вичу.

Не знаю, как остальные германцы, а дедушка будущего полковника Абеля уж точно пришелся к княжескому двору: прекрасно разбирался в лошадях, был отличным ветеринаром. Эмилия занималась разведением кур. Семейство по-прежнему сохраняло германское подданство, но уже пустило русские корни. По некоторым сведениям, Генрих Август даже принял в 1881-м православие и откликался на имя Александр.

9 апреля 1871 года в имении Андреевское Марьинской волости Ярославской губернии у трудолюбивого немца и его супруги родился сын Генрих, второе имя – Маттеус или Матвей. Местные крестьяне немецкое «Генрих» выговаривали с трудом и для простоты окрестили мальчика Андреем – на это имя он отзывался с удовольствием. Даже став взрослым, в некоторых документах называл себя именно так.

Трудно поверить, но и сын Вильям, он же Вилли, будет обращаться в письмах к папе с мамой по имени-отчеству – Любовь Васильевна и... Андрей Матвеевич. Детей у немецкой четы Генриха и Эмилии народилось немало: пять мальчиков и две девочки, хотя Эвелина Вильямовна Фишер утверждала, что было их то ли 16, то ли 17.

Но Генриха отдали на воспитание другой немецкой паре, которая его и содержала, а по некоторым сведениям, даже усыновила, дав неплохое по тем временам образование в городе Рыбинске и научив работать с металлом в кузни-

це. Учился Генрих-Андрей почти на одни пятерки, зачитывался считавшимися тогда авантюрными Фенимором Купером, Жюлем Верном и Вальтером Скоттом. Русский для него стал истинно родным, хотя и по-немецки он говорил и читал неплохо.

Однако поступая в 1885 году, в 14 лет, после начальной школы в 1-е Рыбинское городское высшее начальное училище, указал при сдаче экзаменов свое вероисповедание как лютеранское. Получается некая нестыковка с отцом, в то время уже православным.

Был он парнем шустрым, непоседливым, схватывал все на лету. За три года учебы – почти всегда отличные оценки, изредка со знаком минус, по арифметике, истории, естествоведению, бухгалтерии... Чуть оплошал только по русскому и старославянскому языкам и физике, где получил «хорошо». А еще обучался пению и гимнастике. Только вот на Закон Божий не ходил, получив в аттестате прочерк.

Работал скотником, потом быстренько перешел на ступень более высокую – такой юный, а уже лесничий. И уж совсем неожиданно перескочил и на вовсе почетную по деревенским понятиям должность мельника. Как сейчас бы написали – карьерный рост явный.

Но что-то не сиделось в чинном имении молодому Генриху-Матвею-Андрею Фишеру. Едва исполнилось 16, а он уже в Петербурге. Вычитал в издававшейся на немецком языке газете, что на фабрике Гольдберга требуются ученики в ме-

таллический цех – а он мог и паять, и залатать дыру в самоваре. Сразу влился в ряды рабочего класса, освоив специальность лекальщика. Поступая на работу, подробно и грамотно заполнил требуемые бумаги.

Кстати, тогда он подробнейше написал обо всех своих именах: «Меня зовут Матвей Августович. Помимо этого я – Генрих. Мама всегда звала меня Андреем, как и все мои товарищи по работе. Когда рабочие спрашивают мое имя, я говорю им – Андрей. Никто и никогда не звал меня Генрихом или Матвеем». Это похоже на историю его сына Вильяма, у которого за годы службы в нелегальной разведке набралось множество псевдонимов...

И все же, несмотря на русское имя, юный тогда Андрей-Генрих предпочитал снимать каморку у соотечественников – немцев. Занимаясь самообразованием, много читал на немецком. За аккуратность, умение поддерживать полнейшую чистоту русские друзья звали Андрея «нашим немцем».

Нашел себе Генрих-Андрей-Матвей и дело по душе. Неизвестно, какими путями, но свела его судьба со студентом Глебом Кржижановским – будущим другом Владимира Ильича Ленина и одним из руководителей Советского государства. Генрих без пропусков посещал марксистский кружок, слушатели и участники которого через несколько лет влились в созданный Владимиром Ульяновым «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», преобразенный за-

тем в Российскую социал-демократическую рабочую партию – РСДРП.

Фишер переходил с работы на работу, сменив за несколько лет семь фабрик, всегда оставаясь агитатором и пропагандистом.

Иногда пишется, будто Генрих Фишер подружился с Владимиром Ильичом. Нет, до дружбы не дошло, однако два борца за освобождение рабочего класса были хорошо знакомы. В 1890-х в Петербурге они встретились, живо обсудив вышедшую книгу «Очерки пореформенного хозяйства». Даже поспорили. Ленин сделал своему почти что ровеснику ряд толковых замечаний и дал парочку советов, которые Фишер с благодарностью, как от старшего по общему делу, принял.

Потом в 1907 году встретились в Лондоне на Пятом съезде РСДРП, где роли уже распределились соответствующим образом: Ленин – вождь, Фишер – его верный сторонник и безоговорочный последователь. Он участвовал в съезде в официальном качестве «гостя». Хотя есть свидетельства, что Генрих, поднатревший и в марксистской теории, тщательно анализировал новые ленинские работы, иногда высказывая если не замечания, то рекомендации по некоторым главам.

Но революционная питерская «веревочка» вилась не вечно. Фишер участвовал в работе рабочих кружков, распространял пропагандистские материалы и, ничего удивительного, попал в поле зрения охраны. Его арестовали в июне

1894-го. Прошу обратить внимание на важнейший факт в биографии Генриха Фишера: последовали восемь месяцев допросов в Доме предварительного заключения на Шпалерной, в Санкт-Петербурге. Потом объясню, как отразились эти злосчастные восемь месяцев на судьбе старого большевика Фишера.

Сидя в 1894–1895 годах в тюрьме, стойкий боец за освобождение рабочего класса не терял времени даром. Читал в подлиннике Гейне, пытался выучить шведский язык. Затем последовала высылка Генриха Фишера на север и так уж северной Архангельской губернии, где, по некоторым сведениям, он промучился в ссылке с 1896 по 1899 год. Но и здесь он организовал в 1898 году кружок, в котором сам же и преподавал.

Потом условия для немецкого подданного несколько смягчили, сменив суровый край на более мягкую во всех отношениях Саратовскую губернию. Там Фишеру предстояло провести еще три года – по крайней мере до 1901-го.

Тут и встретил ссыльный свою любовь – молоденькую акушерку Любу, уроженку Хвалынска Саратовской губернии, которой тоже «отмерили» три года за все тот же марксизм. Вскоре Любовь Васильевна Корнеева вышла замуж за обрусевшего немца, так что если кого-то интересует, то родившиеся у них впоследствии – уже в Англии – сыновья были немцами только наполовину.

Молодая семья и в Саратове продолжила деятельность,

которую иначе как революционной не назвать, и здесь Генрих Фишер показал себя незаурядным конспиратором. В Саратове обнаружили любопытные документы. Они не совсем совпадают с теми воспоминаниями о подпольной работе в Саратове, которые Генрих Матвеевич Фишер опубликовал в 1922-м, вернувшись из английской эмиграции, а затем, следуя законам суровой сталинской эпохи, перед самой смертью здорово переделал – во втором варианте отдавалась дань не только старому знакомому Ленину, но и его сменщику Иосифу Виссарионовичу.

Так вот, оказывается, в Саратове Генрих Матвеевич Фишер жил, пользуясь современным словарем разведчика, на полулегальном положении. Постоянно менял имена. Так, по справке, выданной ему канцелярией Волжского сталного завода, он трудился там с марта 1899 года по июнь 1900-го. А через месяц – уже завод Гнатке, где работал до отъезда в Англию. Но вот что интересно. На сталном он значился Матвеем Августовичем Фишером, а на втором заводе уже под своим настоящим именем – Генрихом Матвеевичем. Возможно предположить, что речь идет о двух разных людях. Или, быть может, вслед за опальным сыном в Саратов с Ярославщины приехал его отец? Однако ветеринара Фишера, политикой никогда не занимавшегося, к тому времени уже не было в живых.

Зато отыскалось досье жандармского управления «О состоящем под негласным надзором полиции германском под-

данном Фишере», читайте внимательно: «Матвее Августовиче». Короче, используя разные имена, поднадзорный Генрих Фишер совсем запутал полицию.

Не правда ли, напрашивается некая аналогия и с сыном Вильямом Генриховичем, взявшим при аресте чужое имя – Абель? Между прочим, отвечая на вопросы американских следователей, «полковник Абель» почему-то совершенно правдиво указал имя своей матери: Корнеева Любовь Васильевна. Наверно, сыграла роль и определенная сентиментальность. Или, тоже не исключено, что, искажая, меняя и спаривая настоящие и выдуманные факты из своей биографии, полковник еще больше запутывал американцев. Сыну Вильяму было чему учиться у папы с мамой.

Любовь Васильевна ведь тоже помогала мужу в его подпольной работе и даже имела собственные коронные приемы, чтобы запутать жандармов. Выработала свой метод хранения и перевозки секретных материалов: расшивала толстые медицинские справочники и вставляла в корешки листы с документами, а то и номера газеты «Искра». Между прочим, в 1957 году на суде предатель Хейханен свидетельствовал, что полковник научил его прятать секретные документы в обложках толстых книг.

Царская охранка так и не смогла во второй раз засадить Генриха Фишера. Нюхом чувствовали жандармы, что варится в квартире ссыльного густая революционная каша, но доказать ничего и ни разу не смогли. Неоднократные обыски

на квартире результатов не давали. Хотя и проходил Фишер по подозрительным делам, но лишь в качестве свидетеля.

Рабочие и соратники искренне уважали Фишера, но любви, особой дружбы не возникало. По некоторым воспоминаниям, его окрестили «человеком из стали», даже «свирепым». Не слишком сходилась он и с более близкой к нему хотя бы по уровню образования революционной интеллигенцией, считая, что только выходцы из рабочей среды и должны возглавлять революционное движение. Исключение делал лишь для одного Ленина, искренне считая того гением. Во всех своих биографиях и статьях, изданных уже после возвращения из Англии, с гордостью напоминал: я – рабочий. Хотя в 1920-х это уже никак не соответствовало действительности.

Кстати, рабочее происхождение и принадлежность к рабочему классу видны и в названии его книги «В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания Петербургского рабочего. (1890–1921 г.г.)». Брошюра в 105 страниц издана «Государственным Издательством» в Москве в 1922 году «Комиссией по истории Октябрьской революции и Р.К.П. (Б-ков)». Фамилия автора – Фишер, а вот инициал стоит не «Г.» – Генрих, и даже не «М.» – Матвей, а «А.» – все-таки Андрей. И в библиографии Фишер приводит ссылку на свою же статью «В России и в Англии» с тем же инициалом «А.».

И вот тут мы подходим к важнейшему моменту в судьбе всего семейства Фишеров. Считается, будто, находясь в Са-

ратове на грани провала, обратился он к властям с просьбой о выдаче ему с супругой заграничных паспортов, чтобы уехать от греха, то бишь ареста, подальше. Однако дело обстояло не совсем так. Это власти, понимая некую свою обреченность в борьбе с хитроумным немцем, пусть и обрусевшим, потребовали его высылки. В августе 1901-го полиция сообщила Фишеру: если он добровольно в течение месяца не покинет пределов России, то будет в кандалах этапирован до самой до Германии, гражданином которой является. Но и там Фишера ждало бы практически неминуемое тюремное заключение. Да еще по немецким законам все военно-обязанные должны были или отслужить в армии, или явиться в срок на призывной пункт для получения отсрочки. По абсолютно понятным причинам Фишеру было не до этого.

Этап и тюрьма маячили совсем реально, и тут на помощь Генриху-Андрею пришел рабочий-металлург Александр Хозецкий, с которым Фишер тянул срок еще в Архангельской губернии. Спасаясь от ареста, Александр перебрался в промышленный Ньюкастл, что на северо-востоке Англии, где наладил связи с местными социалистами. Туда и позвал он Генриха, обещая помощь в обустройстве и установление связей с британскими соратниками. Других же предложений, кроме как примерить кандалы, не поступало.

Гражданину Германии Фишеру, прожившему все свои 30 годков в России, ничего не оставалось, как обратиться к властям с просьбой о выдаче ему с супругой загранич-

ных паспортов. Получили их довольно быстро: с глаз долой, из Саратова – вон, двумя беспокойными революционерами меньше.

И тотчас Генрих с женой Любой рванули в Варшаву, откуда с пересадками добрались до Великобритании. Есть огромная вероятность, что супруга была уже беременна: их первый сын родился в Ньюкастл-апон-Тайн 18 апреля 1902 года. Мальчика назвали Генри, хотя мама называла его всегда Гарри. С именами в семействе Фишеров всегда возникала некоторая путаница.

Тогда революционеры из России эмигрировали тысячами – выбор-то оставался небольшой: тюрьма-ссылка или заграница. Многие и там продолжали работу на будущую революцию, считая часы до возвращения. Некоторые ассимилировались в чужом обществе, женились на местных, теряли связь с родиной. Кое-кто уезжал в совсем уж далекую Америку. Короче, даже очень стойкие «выпадали» из революционного процесса.

Фишер не выпал. Хотя положение его было не из легких. По существу русский, по статусу – подданный Германии, он был в Великобритании инородным телом. Русских, кроме товарища Александра, в Ньюкастле оказалось совсем немного. Да и он, единственный настоящий друг, еще в 1902-м отправился в мир иной после неудачной операции элементарного аппендицита. Пропагандировать было особо некого. Двое сыновей 1902 и 1903 годов рождения требовали постое-

янной заботы, средств. Положение если не аховое, то вроде того.

Эта ситуация несколько напоминает ту, в которую попадают разведчики-нелегалы, внедряясь в чужую среду. Не зря их, в случае успешного вживания, повышают в звании и награждают орденами уже в первые годы чужой жизни.

Генрих старательно, правда без особого успеха, штудировал английский. Англия, и в те времена принимавшая немало политических эмигрантов, никому не грозила высылкой. Он неожиданно быстро нашел работу. Сначала мешал цемент, потом через три месяца занял подобающее своей квалификации место неплохо оплачиваемого жестянщика на верфи. В принципе они с женой были довольны. В 1907-м подали прошение о гражданстве – Фишер мечтал вернуться в Россию полноправным английским гражданином, которого бы не посмела выслать никакая охранка. Но прошение было отвергнуто.

Отказ не обескуражил. Он уже немало наездился за свою короткую жизнь и теперь набрался терпения. Хотелось постоянства, семейного уюта, жаль было тревожить маленьких мальчишек. В 1914-м он снова попросил о британском гражданстве, и на этот раз вожеленные паспорта были выданы. Даже когда грянула Первая мировая война и толерантную Англию залила волна антигерманизма, его немецкое происхождение не помешало получить новую, еще более престижную работу. Фишеру выдали в русском консуль-

стве официальную бумагу, где значилось, что, несмотря на немецкое подданство, он родился в России, где жил и работал до 1901 года.

Снова обращаюсь к делам разведки. Родившиеся в Англии Гарри и младший Вилли росли гражданами мира. Говорили на трех языках. В семье – русский, иногда, впрочем, и немецкий. В школе конечно же английский. Росли – и без усилий – полиглотами, которых чужая среда не давила и не тяготила, ибо естественно стала их собственной.

А их отец сумел-таки установить связь с русскими соратниками. Ездил в Лондон, где познакомился с ленинским эмиссаром Алексеевым. На Второй съезд РСДРП попасть не смог, однако выручил одного из делегатов, после заседаний нелегально переправив его по своим новым английским каналам обратно в Россию. Еще до грянувшей революции 1905 года помогал распространять и переправлять «Искру». Сразу же после Кровавого воскресенья 1905 года впервые выступил на не до конца освоенном английском на митинге рабочих своей судоверфи. А еще через два месяца организовал в Ньюкастле ячейку РСДРП. Все ее члены согласились с вожаком Фишером: российское правительство по-прежнему остается самым реакционным во всем мире.

Занимался Фишер и делами гораздо более опасными. Понятно, что в британских архивах сведений о его деятельности по переправке оружия и военного снаряжения из Ньюкастла в российские порты на Балтике совсем немного. Ору-

жие в относительно небольших ящиках перевозили как свои личные вещи латвийские моряки. А покупать и хранить его помогали соратники Фишера – британские социалисты. В 1907 году из-за небрежности моряка-латыша полиция наткнулась на оружие. Пошли и в Ньюкастле знакомые Генриху по России обыски и допросы, на которых он держался стойко. Дома у опытного революционера-подпольщика ничего не нашли, однако заварушка получилась серьезная. Фишер тогда как раз подавал прошение о новом гражданстве и просто физически не успел перевести необходимые для этого деньги. Да и власти получили от полиции неприятную информацию о подозрительной роли немца Фишера в этой латышской афере с переправкой английского оружия в Ригу.

Вторая попытка получить гражданство, как уже говорилось, увенчалась успехом в 1914-м. Все члены семьи были признаны гражданами Британии – таким образом будущий полковник Абель был легализован с детства. Очень важно, что, возвращаясь в Советскую Россию, никто из клана Фишеров не отказался ни от паспортов, ни от гражданства. Может, старый, по стажу, подпольщик оставлял их про неведомый запас, на всякий случай. Опять напомним, что в первую свою нелегальную командировку сотрудник ОГПУ Вильям Фишер отправился по подлинному британскому паспорту, полученному в консульстве Великобритании в Москве и благодаря отцу. Конечно, даже конспиратору Генриху-Андрею-Матвею не под силу было заглянуть столь далеко и

предвидеть такую карьеру родного сына. Но все же, все же...

Однако почему Фишер, настолько прижившийся в Англии, решил вернуться в родные пенаты? Во-первых, разочаровался в британском рабочем движении. Осознал, что в Британии даже основанная в 1920-м Коммунистическая партия дальше разговоров никогда и никуда не пойдет. Рабочий класс разложен и разрознен, заражен, как писал Генрих Матвеевич, собственным ложным патриотизмом. Волне мировой революции сюда было не докатиться никак. Человеку, даже изучавшему английский язык по книгам британских марксистов, с этим было не смириться. И во-вторых, обладатель английского паспорта понял: интервенция западных стран против России провалилась. Последний корабль со снаряжением для белых отчалил от берегов Тайна в декабре 1919-го. Даже британские консерваторы отчаялись поддерживать их угасающее сопротивление. Пламенных речей в защиту молодой Советской республики поднаторевшего в английском Генриха Фишера больше не требовалось.

Он был слишком верным большевиком, чтобы задуматься, где же будет лучше его сыновьям – любимому старшему Генриху-Гарри и младшенькому Вилли, который уже поступил в Лондонский университет. Строгая жена во всем и всегда поддерживала мужа. Ребят и не спрашивали. Они хотя и говорили по-русски, но с заметным акцентом: родным невольно стал английский.

Наверное, для старого большевика решение было един-

ственно верным. В принципе он не прогадал, вернувшись на землю, которую с полным основанием можно считать Родиной. Советская разведка от этого только выиграла.

Подгадал так, что попал на Третий конгресс Коминтерна. Он сразу обменял членский билет Коммунистической партии Великобритании на партбилет более родной ему русской компартии.

Месяца три, по другим источникам и того меньше, трудился плотником-слесарем в общежитиях Коминтерна. Потом техником и инструктором Московского совета народного хозяйства. Упорно повторял: «Я – рабочий». Однако уже в феврале 1922-го его пригласили на работу в архив Коминтерна. Не кем-нибудь – заведующим. И прямо не отходя от архива, он был в числе первых принят в только-только образовывавшееся Общество старых большевиков.

Мне так и не удалось выяснить, встречался ли Фишер в этот свой советский период с давним знакомцем – Лениным. Есть неподтвержденные намеки, что виделись. Хотя вождь после покушения тяжело болел, находился под опекой врачей и не только. Зато внучка Эвелина Вильямовна рассказывала мне, что у строгой бабушки Любы, тоже принятой в Общество, сложились хорошие отношения с сестрами Владимира Ильича. Любовь Васильевна стала заведующей клубом Общества старых большевиков. Пост, может, и не слишком заметный, однако дававший право на жилье именно в Кремле, за красными стенами, в Чугунном коридоре, поблизости

от Теремов. Там же рядом и располагался клуб. Свою работу Люба Фишер выполняла старательно, товарищи по партии были ею довольны.

– Но с Марией Ильиничной и с Анной Ильиничной Ульяновыми бабушка сошлась совсем не по работе, – каждый раз терпеливо объясняла мне Эвелина. – Сестры Ленина, как и Любовь Васильевна, были страстными кошатницами. Собирали кошек по всему Кремлю. Подкармливали. Давали им клички, вот и получилось такое кошачье содружество.

Да и муж вроде тоже шел в гору. Человек не слишком открытый, он дружил только с прежними соратниками – членом Центрального комитета Андреевым и со старейшим большевиком Шелгуновым. К концу 1922-го опубликовал свои откровенные и хорошо принятые друзьями по партии воспоминания. Был избран членом бюро Общества. В Коминтерне тоже складывалось удачно.

Но в январе 1924-го ушел Ленин, невидимый, однако вполне возможный защитник, покровитель. К власти рванул народ совсем иной. Тут внезапно и наступили для верного большевика-ленинца Фишера сложные времена.

Впрочем, бед хватало и без этого. Еще в 1921-м, на глазах у младшего сына Вилли, утонул в реке Уче, неподалеку от Москвы, старший – Гарри. Вдруг в Обществе послышался ропот: Фишер слишком вольготно тратит отпускаемые средства. Но и это обвинение было пустяком по сравнению с другим, на полном серьезе предъявленным ему старыми това-

рищами по борьбе.

Помните о восьми месяцах, проведенных Фишером в 1894-м в предварительном заключении на Шпалерной в Санкт-Петербурге? Тогда его допрашивали с пристрастием, даже, как намекал он сам, пытали. Группа старых большевиков, допущенная к изучению дел своих товарищей, арестованных царской охранкой, работала тщательно. Неожиданно выяснилось: Фишер держался не столь и стойко. Не то чтобы выдал охранке, но, скажем так, подвел своими признаниями нескольких – трех, по некоторым данным, соратников. Репутация Фишера как сталинского большевика стремительно давала трещины и трещинки. Главный тогдашний историк партии Емельян Ярославский выказывал недовольство.

До 1937-го было еще далеко, но Фишера прижали здорово. И хотя друзья по партии докопались-таки до того, что Генрих не сказал полиции всего, что знал, и его не исключили из Общества старых большевиков, относиться стали гораздо хуже.

А тут новая напасть. 13 сентября 1924 года по обвинению в шпионаже арестовали его напарника, вместе с которым он переправлял оружие из Англии в Россию. Так что уже с 16 сентября Фишер в Коминтерне не работал.

Он быстро нашел (или ему подыскали?) новую работу вдали от Москвы. Бывший член бюро Общества старых большевиков, живший в Кремле, руководил теперь небольшой

бумажной фабрикой в городке Сокол, что на севере Вологодской области. Интересно, вспомнились ли ему высылки в Архангельскую и Саратовскую губернии?

Или, возможно, благожелатели таким образом выводили старого большевика из-под более серьезного удара? Эвелина вспоминает по рассказам бабушки, что дедушка иногда не показывался в Москве месяцами, а то, бывало, наезжал часто, встречаясь в основном с женой, терпеливо ожидавшей его в столице. Она его тоже навещала. Семья сохранилась, хотя волнений было немало.

Судя по всему, Фишера через несколько лет простили так же неожиданно, как и осудили. С 1928 года он снова в Москве. Возглавляет секцию в институте. Его статья, посвященная очередной годовщине ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», оценена высоко, и вскоре Фишеру предложено написать материал в журнал «Старый большевик» о Владимире Ильиче.

Годы бежали незаметно. В 1931-м его провожают, а не выпроваживают, на пенсию. Он вновь переиздает свои воспоминания, делая их более строгими – в духе прочно обволакивающего страну сталинского времени.

Генрих Фишер скончался 22 марта 1935 года. Эвелина Вильямовна почему-то уверена, что причина смерти – не просто легочное заболевание, а застарелый туберкулез. Дедушку хоронили с почестями. В последний путь проводить его пришли старые товарищи по партии. Солидные издания

откликнулись некрологами, а Большая советская энциклопедия – уважительной статьей. Учитывая, что многие его соратники уже подвергались гонениям и преследованиям, жизнь закончилась для Фишера не так и плохо. Кто знает, что ждало бы его через год-два, когда начались сталинские чистки. Он ушел вовремя.

Остались жена и сын Вильям – Вилли. Хотите верьте, хотите нет, но именовавший себя «русским немцем» Генрих Фишер путался в имени сына. На прошении в Коминтерн, помеченном 1923 годом, он пишет: «Прошу выделить путевку в санаторий моему сыну Вильгельму». Да, мешанина в именах, гражданствах, подданствах, паспортах и образах жизни в двух разных странах имела место быть. Будущему нелегалу Вильяму Генриховичу Фишеру она пошла только на пользу.

Из Лондона – в ОГПУ

Не хочется лукавить – и не буду. В некоторых статьях о Вильяме Фишере мелькали бравурные, и в принципе оправданные, штампы. Мальчик с детства помогал отцу-революционеру. Еще в Ньюкастле выполнял его поручения, раздавая листовки, бегая на явки и даже обеспечивая связь.

Кто знает, может, Генрих Фишер действительно с детства и приучал сыновей Гарри и Вилли к чему-то такому революционно-конспиративному, но серьезных документальных свидетельств этого я нигде не нашел. Не было подтверждений тому и в беседах с дочерью Эвелиной, и в разговорах с кругом людей, неплохо знавших Вилли Фишера – будущего Абея.

Вообще должен, просто обязан еще раз написать: все, что касалось Вильяма Генриховича, собиралось по крупицам. Давалось годами и с огромным трудом. Работа в управлении «С», понятно, не располагает не только к излишней – просто к откровенности. Так, Николай Сергеевич Соколов, связник полковника Абея (так я позволю себе называть нашего героя. – Н. Д.), после долгих расспросов иногда все же решался на некоторые откровенности, скорее лирические отступления, касающиеся личности глубоко почитаемого им нелегала. Однако потом, при новой встрече, милейший и интеллигентнейший полковник Соколов просил: «Давайте не бу-

дем. Вдруг помешает тем, кто там сейчас работает». Кто знает, могло и помешать. Все, абсолютно все пожелания подобного рода я принимал неукоснительно. Не думаю, что они как-то обеднили светлый образ Фишера. Вычеркнутые, или, точнее, не приведенные в этой книге оперативные эпизоды – не повод для огорчения.

Сам же полковник Фишер, на склоне лет составлявший по просьбе начальства некие наброски своего бытия, писал по этому поводу:

– По соображениям производственного характера некоторые подробности моей биографии должны остаться тайными. Другие могут быть опубликованы. Однако некоторая туманность в описании моей жизни не означает, что приводимые факты неверны. Я предпочитаю недосказывать, нежели врать...

Но вернемся в Ньюкастл-апон-Тайн, где и родился 11 июля 1903 года второй сын революционера-эмигранта Фишера. Здесь я почти без купюр привожу то относительно немного, что рассказывала мне о детстве и юности своего отца Эвелина Вильямовна, которая до самой своей кончины в 2007-м оставалась настоящим кладом семейных преданий и тайн. При этом она боялась всяческих спекуляций на имени обожаемого ею отца и порой говорила о «безнравственном выворачивании тайн»...

Своими правдивыми и детальнейшими рассказами Эвелина Вильямовна меня настолько воодушевила, что некото-

рые главы этой книги основаны в основном на ее впечатлениях, воспоминаниях. Изредка она давала мне копии документов, совсем не секретных или уже рассекреченных. Видимо, то были бумаги из семейного архива. За все за это и за долгие часы, на меня потраченные, низкий ей поклон и царство небесное!

Семья Фишеров жила в своем Ньюкастле в скромном достатке. Ее глава Генрих Матвеевич – в России, менял и работу, и местожительство постоянно. В одном только Питере успел потрудиться на семи фабриках. Искал новых и новых соратников в рабочей среде, сам их образовывал в своих кружках. Был уверен, что только рабочий донесет до рабочего все марксистские истины так, как не сможет сделать это в силу своего происхождения никакой интеллигент. А в Англии он лишь раз переехал с одной квартиры на другую, да и вкалывал практически все там же, на верфи. Поселились в двухэтажном домике, небольшом, но уютном.

Возможно, не хотел перемен из-за двух своих мальчишек. Им, родившимся в Англии, не пришлось менять в детстве ни жизненного уклада, ни приспособливаться к непривычной обстановке. Все было родным, понятным.

Любимцем семьи был, вне сомнения, старшенький – Гарри. Любовь Васильевна, женщина властная и даже суровая, этой своей привязанности не скрывала. Гарри хорошо учился, был послушен и исключительно прилежен. Все же сказывался замес кровей: немецкая педантичность и исполнитель-

ность, русская смекалка и изобретательность легко и естественно уживались с английской чинностью и консервативностью. Младший, Вилли, чувствовал, что надо тянуться за Гарри. Была тут и детская ревность, и даже совсем уж не мальчишеская обида. Соревновались братья во всем. Учиться, как Гарри, бегать – так же быстро, как он. Любовь матери он пытался завоевать, даря ей букетики полевых цветов. Не совсем получалось. Мама вбила себе в голову, что Вилли приносит цветы, чтобы загладить свою очередную шалость. Наверно, была в этом и сермяжная правда – частенько вслед за букетом в дом являлись соседи с жалобами на младшенького...

Вильям Генрихович вспоминал, что уж кем-кем, а паймальчиком он совсем не был. В напарники для шалостей брал не отличавшегося послушанием брата, а соседского мальчишку. Они вместе угоняли у соседей-рыбаков легкую лодку и на веслах уплывали довольно далеко в море. Пропаж обнаруживалась, рыбаки догоняли сорванцов и тянули на буксире к берегу, чтобы там примерно наказать. А Вилли с приятелем незадолго до подхода к причалу брались за весла, отрывались от преследователей и, выпрыгнув на берег, бросали лодку на воде. Сами убегали, оставляя рассерженных рыбачков материть их неизбежными в таких случаях четырехбуквенными английскими словами. Порой за этим следовали визит рыбаков в дом Фишеров и порка в привычном исполнении папы Генриха.

Мать в этих случаях никогда не защищала Вилли. Переживала: ведь он не умел плавать, каждое такое приключение грозило последствиями серьезными. Однажды отец, чтобы хоть как-то научить сына держаться на воде, бросил его, упирающегося, в речку. Вилли побарахтался на глубине, каким-то образом выбрался на сушу. То был последний раз, когда его видели плывущим.

Зато старший Гарри был отличным пловцом, опережавшим всех сверстников. Знать бы только, чем все это для него закончится...

А Вилли предпочитал гонять на велосипеде, любил роликовые коньки. Но спортом никогда не увлекался. Не его это было, не тянуло. Уже переехав в Россию и женившись, старался освоить коньки. Супруга привела на каток, он спотыкался, падал, даже ухитрился сломать лезвие конька, прикрученного к ботинку, и, разозлившись, больше на катке не показывался.

Вместе с братом они устраивали соревнования совсем другие: кто лучше вычистит дом. Вилли надраивал все металлические предметы, Генрих – Гарри выметал мусор, а потом чуть не вылизывал полы. Изредка мама поручала им печь домашний хлеб.

В 1914 году ребята впервые познали, что такое национальная ненависть. Шла Первая мировая война, и воевавшая с Германией Британия постепенно переполнялась глубокой неприязнью ко всему немецкому. А тут прямо под бо-

ком оказалась парочка немцев. К тому же на первый взгляд беззащитных. Когда военно-морские силы кайзера потопили большое английское судно «Луизиана», забитое сугубо гражданскими пассажирами, соседи по парте полезли на Гарри и Вилли с кулаками. Братья дали резкий отпор. Отец тотчас отправился в школу, популярно объяснив, что они – немцы, но обрусевшие, являются союзниками британцев, а не врагами. Тем, кто не был с этим согласен, он пообещал доказать это лично.

Впрочем, и самому Генриху в те годы пришлось на собственной шкуре испытать настоящую неприязнь даже со стороны горячо им любимых в ту пору английских товарищей по рабочему классу. В консульстве России, куда он официально обратился, ему выдали справку: подданный Великобритании Фишер родился, жил и работал в России 30 лет. Да и его визит в школу многим запомнился. Некоторые соседские знали кличку Генриха Фишера – «человек из стали». Связываться с таким и проверять, действительно ли кулаки у него железные, не очень-то и хотелось. Братьев оставили в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.